

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
CINE PORNOGRAFICO



*Мой страх приближается издалека,
Дышать не могу — горло сжала рука.
Шёпот ужасный терзает мне душу.
«Сошёл ты с ума и не выйдешь наружу...»*

Metallica, Welcome Home (Sanitarium)

ПРОЛОГ

(Лима, столица Республики Перу,
14 октября 1931 года)

...Старый телефон противнейше задрезжал, неуклюже подпрыгивая на тумбочке. Мигель наугад протянул ладонь и прихлопнул его как муху — одним ударом. Вопреки ожиданию, аппарат не умолк. Напротив, он продолжал надсадно трещать, издавая серию терзающих слух звуков — словно храпящему человеку от всех щедрот сыплют в горло ржавчину. Мигель с трудом протёр оба глаза. Чёрт возьми, да что ж такое происходит? Пошарив в темноте, он нащупал на рычаге трубку и вслепую подтащил к уху:

— Алло.

— Прощу прощения, уважаемый сеньор Мартинес, — прохрипел динамик.

— Вы знаете, сколько времени? — наливаясь злобой, произнёс Мигель.

— Да, сеньор капитан, — ровно четыре часа утра. Дева Мария и сам Иисус свидетели моих извинений, но... мне приказал разбудить вас лично заместитель министра Хуарес. Он требует, чтобы вы сейчас же подъехали на Плаза де Майор. Экстренный случай.

— И что такого там произошло? — спросил Мигель, подавляя зевок.

— Не знаю, сеньор. За вами отправили водителя, машина уже должна быть у подъезда.

Не прощаясь, Мигель повесил трубку.

Он пружинисто поднялся с постели. Тусклая лампочка под потолком осветила десятиметровую комнатушку, гордо именуемую хозяйкой «меблированным номером». Продавленная кровать, рукомоЙник, тумбочка из разошедшегося дерева, каменный пол (в вечную жару — особенно актуально), письменный столик (судя по древности — забытый конкистадорами при отступлении) и портрет *эль президенте* на стене, щедро «раскрашенный» засохшими тельцами москитов. Луис Санчес Серро, сжав губы, мрачно смотрел в полумрак поблёкшим взглядом — фотография изрядно выцвела, посему эполеты на плечах *эль президенте* напоминали большие немые тарелки.

Мигель умылся ледяной водой. Зевая во весь рот, застегнул мундир.

Он спустился по лестнице — ступеньки шатались под ногами, издавая предсмертные стоны. Колони-

Эль Дьябло

альный дом постройки XVII века, убогая каморка на третьем этаже — а сволочь-хозяйка дерёт за «номер» пятнадцать солей¹ в месяц. Автомобиль внизу вовсю фырчал мотором — как всегда «Форд», и довольно дряхлая модель. Что вообще в этой стране нового? Знакомый юный шофёр услужливо открыл дверцу, Мигель плюхнулся на протёртое сиденье сзади, очутившись на другой планете. С запахом сигар за два сентаво, картинкой, прищипленной у руля с помощью булавки, треснутым лобовым стеклом и отвалившимся зеркальцем — да, ещё хорошо, что сам парень трезвый. В Перу такое счастье случается редко. Машина сорвалась с места и понеслась по пустому городу.

— А что стряслось, вам неизвестно, сеньор? — попытался завести беседу водитель.

— Это не твоё собачье дело, — бросил Мартинес, и шофёр подобострастно умолк.

...«Форд» свернул на дорогу к району Мирафлорес, миновав частокол кокосовых пальм и тёмно-жёлтых мавританских зданий: колонны, черепица, резные балкончики. Шум океана убаюкивал, в салоне укачивало, словно в колыбели... Мигель невольно прикрыл глаза и не заметил, как вскоре задремал. По традиции ему пригрезился сон, который он из года в год привык видеть в Лиме — с самого приезда. Морская гавань — набитая как бочка селёдками

¹ Денежная единица Перу. — *Здесь и далее примеч. авт.*

американскими и японскими военными кораблями. Повисшие в осеннем небе облачка разрывов. Вопли, рыдания, ругательства, настоящее вавилонское столпотворение. Кого здесь только нет! Почтенные купцы, трясущие бородами, вусмерть перепуганные гимназисточки, дамы с облезлыми лисьими воротниками. Эвакуация армии верховного правителя Дитерихса из Владивостока, утро 25 октября 1922 года... Слухи один страшнее другого — японцы предали, «косоглазые» оставляют позиции, через считанные часы в беззащитный город войдут большевики. Страшная давка. Американцы штыками отталкивают тысячи безумцев, рвущихся на пароходы, с криками: «Get back, motherfuckers!» — хотя ночью ранее красивейшие девушки Владивостока расстались со своей девственностью в каютах моряков, оплатив право первыми ступить на спасительные трапы. Поверхность воды усеяна вещами из разбитых чемоданов — бок о бок плавают одежда и детские игрушки. Среди отступающих и он сам, белобрысый низенький 20-летний парень с веснушчатым лицом. Разрешите представиться, судари и сударыни-с... честь имею, подпоручик «Земской рати» Михаил Мартынов — в растрёпанной шинели, с «наганом» в руке и взглядом сумасшедшего. Господи боже мой, как же давно это было... Мигель до боли ясно помнит момент, когда битком набитый беженцами корабль отчалил от берега, он увидел расширяющуюся полосу серого моря и ощутил, что больше никогда

Эль Дьябло

не вернётся в свой родной город. Бездумно вложил в рот ствол «нагана», облизнул, чувствуя языком вкус оружейного масла. Прочёл молитву. Мысленно выматерился и с юношеской решительностью нажал на спуск. Щелчок отозвался в ушах погребальным звоном. Конечно, в барабане давно не осталось патронов, армия обескровлена в боях. Дурак, мальчишка... Потом — нищеводская жизнь, прозябание в трущобах Токио: без денег, в завшивленных лохмотьях, с плоской риса на три дня, ночёвки под мостом рядом с пьяными проститутками. Он быстро сообразил, что с его испанским языком здесь подохнешь с голоду, а до соблазнительной Испании добираться ой как долго... Через три месяца господин подпоручик нанялся матросом на утлую посудину, везущую японцев-иммигрантов в Перу.

Вот тут-то Миша Мартынов и превратился в Мигеля Мартинеса.

Перуанский паспорт. Карьера — от обычного городского до следователя криминальной полиции. Крыша над головой... пусть и в ужасной халупе, но, извините, с казённым жалованьем в любой стране хорошо живут только генералы. Сколько друзей по «Земской рати» попросту спились, перестрелялись, чистят ботинки прохожим в Токио и Шанхае, работают извозчиками в Харбине — не сосчитать. Ему, можно сказать, повезло.

— Сеньор... простите, мы уже приехали... — Водитель, открыв дверцу, тряс его за плечо.

Мигель нехотя выбрался из «Форда». Голову словно залило свинцом — он засыпал на ходу. Запустив руку в карман мундира, Мартинес вытащил брикетик сушёных листьев коки и, не глядя, бросил себе в рот. Изумительная штука. На вкус — гадость, вроде лаврового листа с мятой, вяжет язык... но подстёгивает, как хлыстом, моментально становишься бодрым, сон будто рукой снимает. Буквально пара-тройка секунд — и в мозгу исчезла вязкость, взгляд фокусируется происходящее, тело чувствует лёгкий холод ночи. Куда его привезли? Ах да... какие-то закоулки, трущобы позади помпезной Плаза де Майор. Он уже много раз был здесь. Убийства в ночной Лиме — привычное дело, город живёт этим, как дышит. Поножовщина, стрельба, изнасилования, пьяные драки. Очень мило.

Рассвет всё никак не наступал. Мигель двинулся в сторону группы людей с фонариками, застывших в полутьме между скелетами зданий. Луч света ударил ему прямо в лицо.

— Рады вашему приезду, *эль капитано*.

Услышав этот голос, Мартинес окончательно уверился — случилось нечто плохое. До сего момента происходящее казалось ему неудачной шуткой... но если заместитель министра национальной полиции и верно здесь, такое неспроста. Он приложил два пальца к кепи:

— Доброе утро, кабальеро.

Чиновник Хуарес, низенький метис с залысинами, грузный, со светло-коричневой кожей (как и по-

Эль Дьябло

ловина здешнего населения, «коктейль» из индейца-кечуа и испанского колонизатора), довольно анекдотично выглядел в гражданском костюме и шляпе. «Ему бы сейчас набедренную повязку, перья и по джунглям с копьём бегать, на ягуаров охотиться», — по-русски мысленно съязвил Мигель. «Кабальеро» поднёс ко лбу платок, промокая выступивший пот. У чиновника дрожали губы — и веселье Мартинеса сменилось неясной тревогой. Они с Хуаресом стояли на пятачке между *касой* — старым испанским домом — и заброшенной церквушкой: священник умер ещё год назад, нового до сих пор не прислали. Ботинок Мигеля ступил в липкую грязь, следовательно непроизвольно чертыхнулся. Фонарик замминистра опустился ниже, и сон окончательно покинул голову Мартинеса. Обувь окрасилась в тёмно-вишнёвый цвет.

— Похоже, убийца выпустил из неё всю кровь, — сказал «кабальеро». — Здесь целое озеро — пропитаны трава и корни дерева. А остальное, *эль капитано*, вы увидите сейчас сами.

Чиновник аккуратно посторонился.

Полыхнула лампа полицейского фотографа, и в глазах Мигеля яркой вспышкой запечатлелась картина. Девушка, одетая в кремовое платье с кружевами, оборками и юбками средневековой пышности, — такие до сих пор носят женщины в пограничных с Боливией районах. Густые, тщательно уложенные чёрные волосы, широко открытые глаза —

и рот, откуда высунулся кончик распухшего языка. Лицо напоминало багровую маску — кожу покрыли кровью, выкрасили, словно заборчик у хижины. Руки заведены за ствол толстого дерева, к корням которого и примостили труп. У ног покойницы — тазик для стирки белья, куда, вероятно, сливали кровь: на дне виднеются грязно-бурые разводы.

Да уж, грех пенять на Хуареса. Случай действительно экстренный.

Мигель подошёл к телу — полицейские расступились. Под ногами хлюпала кровь.

— Как давно её нашли? — спросил Мартинес, вглядываясь в мёртвое лицо.

— Два часа назад, *эль капитано*, — глухо сказал молоденький капрал: он старался не смотреть на жертву. — Знаете, есть пожилые люди, страдающие бессонницей, они часто гуляют ночью со своими собаками... Вот один из таких и наткнулся на сеньориту... Вы не представляете, с какой скоростью этот старик бежал до полицейского участка. Сначала мы хотели отвязать покойницу от дерева, но... как только до неё дотронулись, решили вызвать офицера. А тот приказал сразу позвонить начальству. А начальство — вам, сеньор.

Мигель присел на корточки, дабы получше рассмотреть засохшую кровь на щеках девушки. Надо же, в воздухе витает на удивление приятный запах. Обычно убитый человек пахнет, как зарезанное животное на бойне, а тут... нечто совсем загадочное. По-

Эль Дьябло

хоже на духи, но нет... сладкое, нежное. Он протянул руку, коснулся предплечья покойницы, потянул на себя и... отпрянул. Труп подался в его сторону с необычной лёгкостью, мягко шурша, словно подушка. Мартинес снова тронул кожу, слегка надавив. Внутри что-то захрустело. Да, становится всё интереснее. Убийца профессионально вынул из тела покойницы все кости, затем набил «каркас» душистыми травами, выкрасил лицо её же кровью и примерно после полуночи доставил свой груз в трущобы позади Плаза де Майор. Саму кровь слил заранее (ага, вот и шрам от лезвия на горле), а потом использовал как элемент декорации. Остаток, что не понадобился, выплеснул на землю.

Какой там заместитель министра? Скоро новость до *эль президенте* дойдёт.

От каждого мёртвого глаза в разные стороны расходилось по четыре искрящихся полоски. Мигель кивком попросил полицейского приблизить фонарь, и его догадка подтвердилась — толчёное золото, отсюда и режущий блеск. Чудесно. Парень-то наш ещё и с творческой фантазией. То, что это парень, Мартинес не сомневался. Он уже трижды успешно расследовал дела серийных убийц в разных городах Перу, включая и «Хищника из Трухильо» — пекаря, задушившего четырёх уличных проституток. Но то были ограниченные люди, без полёта воображения, срезавшие сувениры с тел жертв по отдающему нафталином рецепту Джека-потрошителя. Здесь виделось